

ПРИОБРЕТЕНИЯ РАННЕГО ДЕТСТВА

Постигая мир вещей

Психологи выделяют возраст от года до трех как время, когда в деятельности ребенка главенствующую роль играет так называемая предметная деятельность. «Позвольте, — может сказать читатель. — Ведь мы же видели, что ребенок начинает действовать с предметами с той самой минуты, как только оказывается способен схватить их! И мы знаем, что уже на первом году жизни действия с предметами могут быть довольно сложными. Почему же тогда точка, с которой начинается отсчет новой эпохи детства, отодвинута к году?»

Действительно, манипуляции, которые малыш проделывает с предметами на первом году жизни, порой сложны, разнообразные он может научиться отдельным действиям, которые показывает ему взрослый, может даже переносить действие с одного предмета на другой (научился катать шарик — начинает катать все круглое).

Но приглядитесь: во всех манипуляциях младенца есть одна общая черта — дети используют лишь внешние свойства предметов. Ложкой ребенок действует так же, как палочкой, карандашом или совочком. А ведь во всяком предмете главное то, как данный предмет людьми используется. Свойство это не внешнее, оно скрыто, сам по себе ребенок до него добраться не в состоянии. Малыш бесконечное число раз может открывать и закрывать дверцу шкафа, может долго стучать ложкой об пол, но от этого он ни на шаг не продвинется в понимании того, зачем нужны эти предметы, в чем их назначение.

И вот именно открытие назначения предметов как раз и возвышает предметную деятельность над простым манипулированием.

Назначение предмета малыш усваивает совершенно иначе, нежели в простом подражании. На подражание способны и животные. Можно научить обезьяну пить из кружки, и она будет это делать. Но если ей хочется пить и она видит воду в ведре, она будет пить из ведра; не будет ведра — выпьет с пола. А кружку, когда нет жажды, она может употребить для самых разнообразных манипуляций — она будет бросать ее, стучать ею...

Ребенок же открывает для себя постоянную роль предмета, которая закреплена за этим предметом на протяжении многих человеческих поколений и которая, в общем, не изменяется в зависимости от потребностей минуты. Это, конечно, вовсе не означает, что, если ребенок усвоил, зачем нужен предмет, он всегда будет использовать его только так, а не иначе. Даже познав, что карандаш в отличие от простой палочки может оставлять следы на бумаге, малыш может использовать карандаши не для того, чтобы черкать по бумаге, а для того, чтобы

катать их или строить из них колодец. Но важно, что при этом он все-таки знает, в чем истинное назначение предмета. Когда двухлетний шалун, например, делает вид, что надевает на голову свой ботиночек, он явно обнаруживает присутствие чувства юмора. Он смеется, как бы говоря всем: смотрите, как смешно, когда вещь употребляется не к месту!

Заметьте: когда малыш усваивает действия с предметами обихода, он вместе с этим постигает и некоторые правила поведения, связанные с этими предметами, узнает, так сказать, как надо «вести себя в обществе». Раскапризничавшись, ребенок бросает чашку на пол. Но тут же на его лице можно увидеть испуг и раскаяние: он уже понимает, что нарушил правила обращения с вещью, обязательные для всех.

В раннем детстве в корне меняется поведение ребенка в тех случаях, когда он встречается с новым для него предметом. Младенец, заполучив какую-нибудь новую вещь, начинал манипулировать с нею, пуская в ход все освоенные им движения. Теперь же ребенка начинает интересовать, для чего этот предмет служит, как его можно употребить.

Но не все новые действия, которые малыш усваивает, однотипны, не все одинаково значимы для его психического развития.

От чего зависят особенности разных действий? Прежде всего от того, каковы сами предметы. Сравните вещи, которыми пользуются в обиходе, и игрушки. Способ употребления одежды, посуды, мебели всегда однозначен, строго определен. С игрушками же можно обращаться гораздо свободнее. Правда, есть игрушки, созданные специально для того, чтобы с ними выполнялись совершенно определенные действия, — среди них пирамидки, матрешки. Согласитесь, они отличаются от тех игрушек, которые можно употреблять в игре по-разному, — к их числу относятся кубики, мячи. Организуя занятия с детьми, игры, знакомя их с разнообразным миром вещей, учитывайте, что для психического развития малыша наиболее важно овладеть действиями с теми предметами, способ употребления которых достаточно однозначен.

Но и сами эти способы различаются между собой. Действие может быть простым (чтобы открыть дверцу шкафа, надо потянуть за ручку), а может быть и сложным, требующим учета и свойства предмета, и того, как он связан с другими предметами (например, в случае, когда надо выкопать ямку в песке совочком). Понятно, что те действия, которые предъявляют большие требования к психике, более полезны для ее развития.

Психологи считают особо значимыми для развития ребенка в раннем детстве так называемые соотносящие и орудийные действия. Нам не мешает составить о них представление — это поможет

правильному подбору игр и занятий с малышом.

Вы помните, что еще в младенчестве ребенок манипулировал с двумя предметами — складывал их, пытался нанизать друг на друга, накрыть один другим. Но при этом малыш не учитывал свойств этих предметов: он не подбирал их по величине, по форме, не располагал их в каком-либо порядке, — словом, не соотносил их между собой. Когда же он начинает осваивать соотносящие действия, то, как явствует из самого термина, ему надо привести два предмета (или несколько предметов, или несколько частей одного предмета) в определенные пространственные взаимоотношения. Именно это проделывает ребенок, когда складывает пирамидки из колец, учится обращению с разнообразными сборно-разборными игрушками, закрывает коробки крышками. Чтобы правильно сложить пирамидку, нужно учесть соотношение колец по величине: сначала надеть самое большое, а затем последовательно переходить ко все более маленьким. Когда собираешь матрешку, нужно подобрать половинки одинаковой величины, собрать сначала самую маленькую, вложить ее в ту, которая побольше...

Удалось действие или не удалось, видно по результату: получилась ли готовая пирамидка, матрешка. Самостоятельно такой результат ребенок получить не в состоянии, да он и не стремится к нему на первых порах: его вполне устраивает то, что он нанизал кольца на стержень — последовательность совершенно неважна! — и прикрыл их сверху колпачком.

На помощь приходит взрослый. Он показывает малышу, как надо действовать, обращает внимание на ошибки, учит добиваться правильного результата. Рано или поздно ребенок действием овладевает, но примечательно, что выполняться оно может разными способами и способы эти не равноценны.

Все зависит от того, какова именно была помощь взрослого. Если малышу дали только образец действия, многократно разбирая и собирая пирамидку у него на глазах, скорее всего, он запомнит место, на которое попадает каждое кольцо при разборке; разбирая пирамидку сам, он запоминает, куда он кладет кольца, и старается нанизать их снова точно так же. Возможен и другой вариант — взрослые обращают внимание ребенка на ошибки и на их исправление. В этом случае наиболее вероятно, что он начнет действовать путем проб, замечая допущенные ошибки и исправляя их.

Но есть и третий способ: можно научить ребенка предварительно примеривать кольца, выбирать самое большое из них. Тогда малыш научится подбирать нужные кольца и надевать их на стержень по порядку. Этот способ оказывается наиболее отвечающим цели, он позволяет выполнять действие в самых разнообразных ситуациях. Дети же, обученные первыми двумя способами, не могут, например, собрать пирамидку, если вместо привычных пяти колец получают десять — двенадцать.

Что касается употребления орудий, то ребенок знакомится, конечно, с самыми простыми из них (или специально для него приспособленными) — ложкой, чашкой, совочком, лопаткой, карандашом... Но хоть и просты эти вещи, это все-таки именно орудия. Осваивая их, малыш впервые учится перестраивать движения своей руки в зависимости от их устройства. Последите, как ребенок постигает умение пользоваться ложкой. Она «устроена» так, что, зачерпнув ею пищу, мы должны поднять ее вертикально, не наклоняя, а уж потом отправить в рот. Но ведь «невооруженная» рука, несущая пищу действует совсем иначе — по прямой линии сразу ко рту. Значит, движение руки, в которую попадает ложка, должно перестроиться.

Это орудийное действие ребенок сразу усвоить не может. Сначала ложка служит ему просто продолжением руки. Он захватывает ее в кулачок как можно ближе к углублению (даже влезая в него пальчиками) и, зачерпнув при помощи взрослого пищу, косо несет ее ко рту (так он нес бы пищу, если бы у него в руке не было ложки). Все внимание его устремлено не на ложку, а на пищу. Естественно, значительная часть того, что было в ложке, выпадает или разливается — «а в рот не попало».

И лишь постепенно малыш начинает улавливать связь между тем, чем он действует (ложкой), и тем, на что действие направлено (пищей). Но, как знает каждая мать, успеха он будет добиваться сначала от случая к случаю, и пройдет не так уж мало времени, пока рука не приспособится в достаточной степени к свойствам ложки — возникнет орудийное действие.

Такие действия в раннем возрасте остаются во многом несовершенными, в дальнейшем они еще должны отрабатываться. Но важнее другое — ребенок усваивает сам принцип употребления орудий. Это происходит и тогда, когда он учится копать совочком или лопаткой песок, черкать карандашом по бумаге. Вот почему так полезны игрушки-орудия, которые вы постараетесь дать малышу, — деревянный молоточек, с помощью которого в сырой песок можно забивать колышки, деревянные винты и отвертку. Вы будете поощрять такие игры-занятия, в которых ребенок ставится перед задачей использовать подходящие предметы в качестве простейших орудий («подручные средства») для того, чтобы добиться желаемого: достать далекий предмет палкой, выловить черпачком шарик из банки с водой, пододвинуть палочкой колечки, которые лежат на середине стола, так что их не достать рукой.

Помните, что действия с предметами-орудиями оказывают наиболее существенное влияние на интеллектуальное развитие ребенка.

Малыш начинает играть

Слово «игра» мы прилагаем почти ко всякому детскому занятию. Мы говорим про шестимесячного младенца, что он играет со своими ручками; игрой мы называем складывание пирамидки; бросают малыши друг другу мяч или играют в прятки—это тоже игра... Позже, в дошкольном детстве, главным и типичным станет особый вид игры — ролевая игра, в которой дети изображают взрослую жизнь, труд и отношения взрослых. Тогда же, напомним, развернутся и начнут определять психическое развитие те виды деятельности, которые называют продуктивными, — рисование, лепка, конструирование. Но это не значит, что до тех пор, пока малыш не перешагнул рубеж 3 лет, в жизни его нет ни начатков ролевой игры, ни стремления изобразить что-нибудь на листе бумаги, ни возведения башен из кубиков. Напротив, это начинается как раз в раннем детстве, и родители должны уделять) всем сторонам жизни малыша надлежащее внимание.

Среди игрушек, которые вы даете малышу, есть куклы мишки, клоуны, зайцы, есть игрушечная мебель, посуда и т.п. Строго говоря, поначалу это игрушки только для вас — ребенок относится к ним, как к любым другим предметам. Занятия его с игрушками в начале второго года довольно примитивны. Может показаться, что малыш убаюкивает куклу, укладывает ее спать. Но нет — просто он повторяет за взрослым действия, показанные ему. Ничего он пока не хочет изобразить. На другие игрушки действия эти не переносятся — если мама показала, как баюкают зайца, ее дочка баюкать мишку «не додумается».

Но уже очень скоро, примерно с 1 года 3 месяцев, малыши начинают выполнять в игре не только те действия, которых им показали взрослые, но и те, которые они наблюдали сами они наряжаются, причесываются, прижимают к себе куклу целуют ее. Появляется много новых игр: дети моют куклу обливают ее, заставляют ее прыгать с дивана, скатываться <. горки, идут с ней гулять.

В это же время ребенок начинает изображать различные действия, реально их не выполняя. Он «ест» из пустой чашки, «пишет» палочкой на столе, «читает». Вот девочка, наблюдая, как взрослые в кастрюле варят кашу, берет эмалированную кружку, ставит ее на стул и начинает мешать чайной ложкой в пустой кружке, точнее, постукивает ложкой по дну, поднимая и опуская ее, потом постукивает ложкой по краю кружки так же, как это делает взрослый, чтобы стряхнуть остатки каши.

А вот «читающий ребенок» — когда находит книжку (любую: записную, толстую детскую книгу, тетрадь, — словом, всякое подобие книги, со страницами), садится на пол, открывает ее, начинает перелистывать страницы и произносит массу нечленораздельных звуков. Со временем это начинает обозначаться словом «читать»...

После полутора лет в дополнение к сюжетным игрушкам дети начинают привлекать всевозможные предметы, делая из них «заместителей», «дублеров» отсутствующих. Малыш моет куклу. Необходимо мыло, а его нет. Куском мыла может стать кубик, катушка, камешек; Чем покормить мишку? Опять же годится камешек, костяное колечко, деталь из строительного набора. Палочкой, карандашом измеряют температуру (это «заместители» градусника)... Главное — чтобы предметом-«дублером» можно было действовать так же, как реальным, а сходства в цвете, форме, величине пока не требуется.

Примерно в то же время, когда появляются предметы-«дублеры», дети начинают изображать в своих играх действия конкретного взрослого человека. Конечно, до развернутого исполнения роли взрослого в игре еще далеко, и все-таки это уже не просто изображение отдельного действия, которое наблюдал малыш (на это он был способен и раньше, когда

«варил кашу», «читал»). Вот мальчик усаживает плюшевого зайца на газету, прикрывает ему грудь другим куском газеты как салфеткой, и берет в руки прутик от метелки. На вопрос

«Что ты делаешь?»—отвечает: «Воя пиикмахел» (Боря—парикмахер) — и водит прутиком по голове и ушам зайца - стрижет его... Вот девочка моет дверь тряпочкой и кубиком (это у нее мыло), потом объявляет: «Аня — Маруся». Марусей зовут уборщицу, и маленькая Аня называет себя ее именем, потому что, начав играть, узнает в своих действиях действие взрослого человека.

Игры малышей становятся все более самостоятельными, но вы будете помнить, что ваша помощь, ваш интерес к игре, ваши указания остаются совершенно необходимыми. Время от времени спрашивайте: «Покажи, пожалуйста, что ты сделал?», «А куда же ты едешь?» Если малыш хочет вас посвятить в свою игру — откликнетесь обязательно. Не только одобрите или похвалите его, но и задайте вопрос, который побудил бы малыша усложнить игру, сделать ее более длительной, интересной.

Время от времени и сами принимайте участие в игре ребенка, чтобы поддержать интерес к ней, подсказать, как еще можно поиграть той или иной игрушкой. Например, вы напомниме, что куклу, прежде чем укладывать спать, надо умыть, что молоко пьют из чашки, а не из тарелки, что в чай кукле надо положить сахар (разумеется, воображаемый).

При этом вы не будете навязывать малышу готовую игру — это отобьет у него охоту играть. Вы постараетесь лишь усложнить ее, разнообразить, сделать более сосредоточенной, последовательной. Пусть малыш учится доводить начатую игру до конца, преодолевать небольшие препятствия, которые по ходу игры могут возникнуть. И мы уж не говорим о том, что нельзя чрезмерно опекать ребенка и засыпать его постоянными указаниями: «Нельзя так, сделай вот так». «Ты не умеешь, давай я тебе сделаю».

Позаботитесь вы и о том, чтобы среди игрушек, которыми располагает ваш малыш, было достаточно таких, с помощью которых он может изображать те действия взрослых, которые он видит, — куклы с различными предметами для игры с ними (посуда, мебель, лоскуты, кукольная одежда), игрушечные звери и птицы, наборы игрушечных орудий и инструментов (например, наборы типа «Доктор Айболит»).

С карандашом, глиной, кубиками

С того момента, как вы дали малышу карандаш и бумагу, он, подражая действиям взрослых, начал манипулировать с ними. Проводя карандашом по бумаге, он заметил, что карандаш оставляет след. Так возникают каракули.

Если вы будете сохранять плоды «рисовальной деятельности» своего ребенка, то через несколько лет перед вами предстанет поучительная картина того, как постепенно разворачивается его способность изображать то, что он видит. Малыш достаточно быстро понимает, что карандаш предназначен для нанесения линий, и совершенствуется именно в учении употреблять его. Самые первые каракули представляют собой прерывающиеся, слегка закругленные, с одинаковым слабым нажимом линии. Но постепенно движения ребенка становятся все более точными, а вместе с тем становятся более разнообразными и каракули, которые он наносит на бумагу. Теперь малыш начинает разглядывать их, сосредоточивать свое внимание на них. Одни каракули нравятся ему больше, другие— меньше. Те, которые ему нравятся, он повторяет многократно. Начертит— и замирает, рассматривая, что получилось. Потом снова черкает карандашом по бумаге, стремясь повторить результат. И снова рассматривает свои каракули.

Возможно, ваш малыш не подпадает под общее правило, но чаще всего дети предпочитают многократно повторять те каракули, которые четко выражены,— прямые короткие линии (горизонтальные или вертикальные), точки, галочки, линии, похожие на спирали.

Изображают ли что-нибудь каракули малыша? Увы, в них мы напрасно стали бы искать то, что можно назвать изображением. Конечно, взрослые пытаются (будете пытаться и вы)

показать ребенку, как рисовать солнышко, мячик, спрашивают его, что он нарисовал. Но на втором году жизни, как правило, ребенок остается глух к таким указаниям и вопросам. Он просто чертит каракули — и доволен этим...

Перелом наступает тогда, когда малыш начинает связывать некоторые из своих каракулей с каким-то предметом или человеком. В бессмысленных сочетаниях линий для него вдруг неожиданно проступает изображение предмета. Эта новая возможность так привлекательна для ребенка, что он, энергично нанося штрихи, начинает напряженно ждать того момента, когда что-нибудь у него «нарисуется». Он узнает предмет в таких сочетаниях линий, которые имеют с этим предметом лишь отдаленное сходство. В поисках сходства он увлекается настолько, что в одном «рисунке» видит сразу два изображения: «Окно... нет, это комод», «Дяденька... нет, барабан... Дяденька играет в барабан».

Постепенно у ребенка накапливается некоторый запас более или менее постоянных сочетаний линий, так называемых графических образов. Причем один графический образ изображает целый ряд предметов, имеющих порой весьма отдаленное, а порой и просто неуловимое сходство. Очень популярна у малышей замкнутая закругленная линия — она может прочитываться ребенком то как тетя, то как дядя, то как шарик.

Но все это только подступы к изображению предметов. Мы можем считать, что оно началось с того момента, когда малыш заявит нам, что он собирается нарисовать вот то-то и то-то. Учтите, что, заявляя это («Нарисую дядю... солнышко... зайчика...»), ребенок, собственно, вовсе не намеревается изображать сам предмет (это ему еще не под силу) — на бумаге возникнет графический образ, который он привык соотносить с этим предметом, но совершенно не имеющий порой, как мы уже отметили, сходства с ним. Недоумевать по этому поводу не следует и не следует думать, что ваш малыш такой неспособный к рисованию. Это закономерный этап, который ребенок должен миновать. Он будет все меньше и меньше удовлетворяться своим рисунком (нарисовал, а что нарисовал, и сам не помнит), осознавать, что и взрослые не понимают, что же он изобразил. Поэтому он начнет применять доступные ему графические образы для изображения только тех предметов, которые имеют заметное сходство с ними.

Начинаются поиски новых графических образов. Но если для каких-то предметов этих образов нет, малыш отказывается их рисовать, несмотря на настойчивые просьбы взрослых, предлагая взамен рисовать то, что он уже освоил. Мальчик категорически не соглашается изображать дом, человечка и птичку, но охотно предлагает: «Давай, я лучше нарисую, как пишут. Хочешь, я нарисую лесенку?» Вас не должно смущать поэтому, что у вашего ребенка резко сузится круг предметов, которые он рисует. Порой настолько сузится, что он будет рисовать изо дня в день что-нибудь одно (и даже название у него для этого особое появится, например «делать человечка»).

Некоторые образы малыш находит сам, другие возникают из подражания образам, которые дает взрослый. Всем хорошо известен типичный для детей третьего года жизни рисунок человечка в виде головонога: кружочек с точками и черточками внутри — это голова, от этого кружочка отходят линии, изображающие туловище и ноги. Конечно, этот графический образ возникает как подражание (в упрощенном виде) рисунку взрослого, построенному по принципу «точка, точка, запятая...»

«Творческий замысел в рисовании решительно побеждает не сразу. До самого конца раннего детства можно наблюдать причудливое сочетание намеренности и случайности. Вот мальчик увлекся игрой с красками. Мажет бумагу и пытается осознать результат: «О! Тлава (трава). Сейчас по ней пойдет Кила (брат Кирилл)». Рисует головонога. Ставит красочные точки по всему полю листа: «Это будут птички! Сейчас еще что-нибудь получится!»

Видя, с каким увлечением малыши рисуют, мы порой не отдаем себе отчета в том, что рисование по замыслу — вещь для них сложная, требующая немалых усилий. Ведь надо поставить цель, выполнить рисунок, следя при этом за тем, чтобы получалось, именно то, что

задумал. Не удивительно, что творческие порывы будут сменяться отказом даже закончить то, что начал.

Бывает, что при отсутствии помощи и поддержки взрослого дети надолго задерживаются на стадии узнавания каракулей, доводя свои рисунки до своеобразного совершенства, создавая очень сложные сочетания линий, каждый раз новые. Вот мальчик, который так и не мог научиться рисовать по замыслу до пяти лет (пока не пошел в детский сад). Всякий раз, садясь рисовать, он говорил: «Сейчас посмотрим, что получится», — в какой-то момент причудливое сплетение линий вызывало у него некий образ, он давал рисунку название, дополнял его. Но в некоторых своих каракулях он, сколько ни напрягался, увидеть ничего не мог; тогда он с огорчением констатировал: "ничего не получилось».

Поэтому вывод может быть один: мало дать ребенку бумагу, карандаши, краски. Мало научить его «технике» рисования — удержать карандаш, как проводить линии. Мало даже способствовать развитию его восприятия, научая различать формы, цвета, размеры. Надо еще обращать внимание на то, как складываются У малыша именно графические образы предметов помогать ему накапливать запас этих образов, показывая, как нарисовать дорожку или мячик, солнышко или елочку.

Сказанное в значительной степени относится и к лепке, которой дети с удовольствием занимаются уже на третьем роду жизни. Дайте своему малышу пластилин, глину, познакомьте его со свойствами этих материалов, с тем, как можно обращаться с ними. Важно, чтобы «техника» работы с материалом не становилась самоцелью. Когда вы показываете, что глина хорошо раскатывается, и учите малыша, оторвав кусочек, раскатывать его, то он должен вместе с тем понимать, что он делает палочку. Сплюсчивают кусочек глины для того, чтобы получить блин. Скатывают—и выходит шарик. После этого можно приступить к лепке знакомых малышу предметов, не слишком сложных, — морковки, куклы-неваляшки (состоящей из двух различных по величине шариков), лесенки (две длинные палочки и короткие перекладины между ними), грибка (толстая палочка и шляпка-блин). Перед тем как малыши начнут лепить, пусть хорошенько осмотрят то, что они собираются изобразить.

Конструирование в раннем детстве в основном выражается в разнообразных строительных играх. Уже в начале второго года малыш должен получить в свое распоряжение кубики и кирпичики (чем больше их размер, тем лучше), в дальнейшем ассортимент этот должен стать более разнообразным, включить в себя пластинки и трехгранные призмы, цилиндры и бочонки, строительные детали разных размеров и форм.

И здесь родительская задача состоит в том, чтобы направить деятельность малыша. Сначала ему доступны совсем простые постройки: башня из 3—4 кубиков, дорожка. Потом он с вашей помощью научится строить дом, складывать машину, гараж для нее, стол и стул, диван и кровать, ворота.

Умения, которые он приобретет к трем годам, лягут в фундамент той деятельности, которая так широко развернется в дошкольном детстве.

Речь – для общения

Раннее детство— исключительно важное время для развития речи ребенка. То, что упущено от года до трех, восполняется ^ Дальнейшем с огромным трудом, а то и не восполняется вовсе. Второй и третий годы жизни являются особо чувствительным, сензитивным периодом в усвоении речи малышом.

Развитие речи побуждается развитием, усложнением общения взрослого с ребенком. Если с ребенком общаются мало, ограничиваясь лишь уходом за ним, если нет богатой, разнообразной совместной деятельности малыша и взрослого (которая и требует все большего и большего речевого общения), то такой ребенок резко отстает и в речевом, и в общем развитии. С другой стороны, нехватка речевого общения может наблюдаться и тогда, когда родители проявляют чрезмерную заботливость, пытаясь предупредить каждое желание малыша, не дожидаясь, пока он скажет, что ему надо.

Потребность ребенка в речевом общении со взрослым должна всячески взрослыми поддерживаться. Важную роль играет при этом воспитательная тактика родителей, которые должны побуждать ребенка внятно, по возможности ясно выражать словами свои желания — и только в этом случае исполнять их.

С другой стороны, развитие речи невозможно без обогащения впечатлений малыша, без знакомства его с широким кругом предметов и явлений окружающего мира, без овладения действиями с вещами. Это основа для усвоения значений слов.

Наблюдая развитие речи своего малыша, вы можете выделить в нем две линии: во-первых, совершенствуется понимание им речи взрослых людей; во-вторых, складывается его собственная активная речь.

Было бы неправильно думать, что освоение речи имеет значение только для умственного развития ребенка. Огромную роль оно играет и в развитии первых нравственных оценок. Эти оценки усваиваются посредством речи и эмоционального отношения взрослых. Речевое общение совершенно необходимо для того, чтобы уже у маленького ребенка наметилось различное отношение к хорошему и к плохому, к красивому и к безобразному. Затем отсюда вырастут подлинные нравственные чувства и понятия зрелого человека.

«Молодец, Ирочка, ты хорошо вымыла руки, они стали совсем чистые», «Нельзя брать яблоки без разрешения...», «Очень плохая у нас кукла Нина, не пустила зайку в кроватку», «Как красиво тетя Нюра украсила елку», «Анна Ивановна ласковая, добрая».

На каждом шагу дети встречаются с тем, что взрослые выражают различное отношение к тем или иным явлениям и оценивают их определенными словами. Самые первые слова-оценки «хорошо» и «плохо» сопровождаются интонацией голоса, иногда мимикой и жестами, которые усиливают действие этих слов. Сначала дети подражают взрослым и высказываются лишь по поводу того, что им хорошо известно, что прочно вошло в их пока еще небольшой жизненный опыт. Но постепенно они начинают расширять круг своих суждений. Бывает, и ошибаются. («Плохая бабушка! Зачем она коврик палкой бьет?», «Мама, у тебя некрасивая кофточка, она грязная» — а у мамы белая кофточка с черными пятнышками.)

Особое значение имеет речь для освоения ребенком правил поведения. Ведь почти все требования взрослых выражены либо словом нельзя, либо словом надо. Взрослые вводят и слово можно, и ребенок начинает пользоваться этим словом, чтобы попросить разрешения сделать что-нибудь

Значительный скачок в общем развитии ребенка, связанный с овладением речью, становится особенно заметным между двумя и тремя годами. Даже если до 2 лет ребенок творит мало, на третьем году он «вдруг» начинает говорить охотно и много. Он уже лучше понимает речь окружающих людей, и это открывает широкие возможности для возникновения совершенно новых видов общения со взрослыми и со сверстниками.

Если ребенок на втором году не говорит или говорит мало, значительно меньше и

невнятное, чем его сверстники, это, естественно, беспокоит взрослых. Однако не всегда подобные тревоги основательны. Темп развития речи у детей неодинаков. В этом отношении наблюдаются индивидуальные особенности.

Если малыш уже «все понимает», но не говорит и при этом разумно играет, пытается подражать словам, произносимым взрослыми, можно с уверенностью сказать, что причин для беспокойства нет. Он заговорит несколько позднее. Но не без усилий со стороны взрослых. С таким ребенком надо больше заниматься, разговаривать, побуждать к произнесению слов, давать поручения, связанные с необходимостью что-то сказать, позвать кого-то.

Но порой задержка в развитии речи может иметь очень серьезную причину, требующую немедленного вмешательства. Иногда взрослым просто не приходит в голову, что малыш плохо слышит, так как он отзывается на свое имя, реагирует на музыку и другие громкие звуки. Однако это возможно и при сниженном слухе, мешающем ребенку отчетливо воспринимать звуки речи окружающих. Если ребенок второго года не говорит и имеются хотя бы малейшие подозрения на то, что он недостаточно хорошо слышит, необходимо срочно обратиться к врачу.

Отставание в развитии речи может иметь причиной и промахи родителей. Один из них — с ребенком мало разговаривают. Другой — излишняя словоохотливость взрослых. Среди обилия непонятных, незнакомых слов ребенок не может уловить, что к чему относится.

Мы уже упоминали о том, что слишком быстрая речь взрослых, невнятное произношение мешают ребенку отчетливо воспринимать и правильно воспроизводить звуки и слова. С малышом надо говорить не спеша, размеренно, четко произнося звуки, не загромождать речь словами, недоступными пониманию ребенка (а также лишними словами — «вот», «значит»).

Новые слова и выражения надо вводить так, чтобы ребенок мог понять их смысл. Нередко дети в силу подражательности, свойственной их возрасту, удивляют взрослых «знанием» таких выражений, которым их никто не учил. (Одна девочка, когда мать заставляла ее доедать слишком большую порцию каши, заявила: «У меня сердце болит». На вопрос матери, где же оно, малышка показала на горло.) Вместе с тем те же дети могут не знать элементарных выражений, уже доступных их пониманию. Надо с самого начала приучать ребенка к тому, чтобы за словами и выражениями, которые он употребляет, стояло конкретное содержание.

"Он все понимает..."

Уже к концу первого года малыш начинает понимать речь окружающих его людей. Но возможности его в этом отношении не следует переоценивать: понимание речи еще очень своеобразно — оно относится очень часто не к отдельным предметам и действиям, а к ситуации в целом. Поясним это.

Годовалый малыш по просьбе матери показывает, где у него нос, глазки, ножки. Но вот об этом просят другие люди — и ребенок не отвечает на просьбу, он просто не понимает ее. Дело в том, что сигналом к действию служат пока не слова сами по себе, а жесты матери, мимика, интонация.

Когда взрослый говорит малышу: «Дай ручку», он сопровождает свои слова соответствующим жестом. Ребенок улавливает связь этих слов и жеста, схватывает значение ситуации в целом, реагирует на нее.

Лишь со временем малыш начинает понимать слова вне зависимости от того, кто произносит их, какими жестами они сопровождаются. Слова постепенно приобретают самостоятельное значение.

Количество слов, которые малыш понимает (так называемый пассивный словарь, отличающийся от активного словаря, т. е. слов, произносимых самим ребенком), быстро

нарастает в первом полугодии второго года и особенно во втором полугодии. Сначала ребенок усваивает названия непосредственно окружающих его вещей, затем имена взрослых, названия игрушек и, наконец, частей тела и лица. К двум годам ребенок понимает практически все слова, которыми взрослые обозначают окружающие предметы.

Этому способствует постоянное, разнообразное общение взрослых с ребенком, рост опыта малыша (особенно в связи с умением ходить).

Обычно после полутора лет ребенок и сам начинает спрашивать о названиях предметов. Сначала он только показывает пальцем на какие-нибудь вещи и вопросительно смотрит на взрослого. Иногда он произносит при этом отдельные звуки. Затем к жесту присоединяются слова: «Это что?.. Это что?» Правда, вначале малыш интересуется не тем, как именно вы назовете предмет. Ему просто важно, чтобы ему ответили. Но, «сделав вывод», что с окружающими можно общаться при помощи речи, он довольно скоро начинает требовать не любого ответа, а ответа по существу.

«Это что... называется?» — спрашивает девочка у матери, показывая пальцем на стул. Мать шутя говорит ей: «Это стол». Дочка недовольна и повторяет вопрос. Мать продолжает игру: «Это кроватка». Следует новое повторение вопроса. Наконец мать дает правильный ответ, девочка удовлетворена и повторяет: «Стул».

Конечно, такие игры-шутки имеют смысл в том случае, если малыш второго года жизни знает название предмета. Любопытно то, что ребенок почти никогда не соглашается с неправильным обозначением и добивается верного.

Подобными вопросами ребенок как бы проверяет свои знания.

На третьем году жизни в понимании речи взрослых малыш делает новые шаги. Важно то, что не только увеличивается количество понимаемых слов, но и само понимание становится качественно иным. Можно заметить: ребенок начинает прислушиваться к тому, о чем говорят между собой взрослые, ему нравится слушать сказки, стихи, рассказы. Значит, он понимает не только речь-инструкцию, непосредственно связанную с тем, что он сейчас видит, но и речь-рассказ, содержащую сообщения о предметах и явлениях, которых в настоящий момент нет перед глазами. Это очень важный момент в речевом развитии ребенка — он получает возможность познавать действительность через слово, а не только из непосредственного опыта.

Понимание ребенком речи взрослого достигает такого уровня, что малыш уже может слушать и понимать маленькие рассказы, содержание которых в известной мере ново для него. Причем это такие рассказы, которые ребенок слушает без иллюстраций, без помощи наглядности. Это очень важно — понимать речь саму по себе. Ведь главное преимущество речи в том и состоит, чтобы тот, кто говорит, мог передать другому, слушающему, все, что он хочет передать, не пользуясь ничем, кроме речи, — ни жестами («Во-о-о-т какую рыбу поймал рыбак!»), ни картинками, ни игрушками.

Рассказы, с которыми взрослый обращается к детям, небольшие, короткие. Краткость их, однако, состоит не в том, чтобы в небольшом числе коротких предложений изложить какое-то понятное ребенку содержание. Краткость в самом содержании. Оно должно представлять собой последовательность нескольких простых событий, каждое из которых известно и понятно ребенку. Когда взрослый рассказывает ребенку такие рассказы, он преследует цель научить ребенка воссоздавать в воображении ситуацию, о которой идет речь в рассказе. Поэтому такой рассказ для ребенка — это прежде всего та же картина, которую он воспринимает не зрительно, а через речь.

Вот, например, рассказ Л. Н. Толстого для детей: «Пришла весна, потекла вода. Дети взяли дощечки, сделали лодочку, пустили лодочку по воде. Лодочка поплыла, а дети бежали за ней, кричали, ничего впереди себя не видели и в лужу попали». Здесь несколько простых действий составляют понятное детям событие. Ценность подобных рассказов в том, что взрослый, начиная с несложных маленьких повествований, постепенно приучает ребенка

слушать и понимать все более сложные рассказы.

Мы привели в пример рассказ Л. Н. Толстого. Но это не значит, что взрослые— воспитатели, родители— должны использовать только произведения классиков. Такие рассказы совсем не обязательно должны претендовать на художественную ценность. Они могут составляться специально только для того, чтобы учить детей понимать речь без наглядного сопровождения.

"... и многое может сказать"

До полутора лет развитие собственной речи малыша происходит довольно медленно. В этот период он усваивает от 30—40 до 100 слов и употребляет их редко.

После полутора лет происходит резкий перелом. Вместе с требованием ребенка называть предметы (мы говорили об этом выше) можно отметить его попытки произносить слова, которые эти предметы обозначают. К концу второго года ребенок употребляет до 300, а к концу третьего года — до 1200—1500 слов.

Речь малыша на первых порах мало похожа на речь взрослого, ребенок употребляет слова, которыми взрослые обычно не пользуются; такую речь называют автономной. Откуда же берутся «автономные» слова?

Во-первых, сами взрослые специально придумывают их для детей. Из поколения в поколение передаются такие слова, как ам-ам или ням-ням, тпру, нака, бяка... Взрослые считают, что они более доступны детям. (Надо заметить, что наряду с облегченными словами взрослые должны непременно употреблять и правильные их варианты. Тогда ребенок сможет перейти к правильному словоупотреблению без осложнений.)

Во-вторых, ребенок искажает в своей речи настоящие слова, произносимые взрослыми. Малыш еще недостаточно хорошо слышит слово, и у него еще не сложился в надлежащей мере аппарат произношения. Произнося слово, он невольно меняет его звуковую форму. Молоко он произносит как «моко», голова— как «гова»... Обычно «страдает» середина слова. Ребенок воспроизводит ударный и первый слоги.

И наконец, малыш и сам придумывает «автономные» слова, часто шутя и играя.

Если взрослые требуют от ребенка четкого произнесения слов, поправляют их. то «автономная» речь быстро исчезает. Но бывает, что окружающие умиляются «своеобразием» словотворчества ребенка и даже подражают ему. Тогда становление правильной речи идет с задержками.

Итак, в середине второго года жизни в развитии речи ребенка происходит важный сдвиг: малыш начинает использовать накопленный к этому времени словарь в целях активного обращения к взрослому. Появляются первые простейшие предложения. Их характерная особенность в том, что слова, которые в них входят, употребляются в неизменной форме: «исё мако» (еще молока), «мама бобо» (маме больно). Предложения включают два слова; 3—4-словные предложения появляются позже, к двум годам.

Пусть такая речь несовершенна по форме, по грамматической структуре. Но она сразу значительно расширяет возможности речевого общения взрослого и ребенка. А это, в свою очередь, приводит к тому, что словарь малыша значительно обогащается. Ведь он уже хорошо подражает речи взрослого, услышанным словам, хорошо понимает обращенную к нему речь и может комбинировать в предложении вновь усвоенные слова со словами, усвоенными ранее, но главное событие в развитии речи в этот период (к концу второго года) заключается не в количественном росте словаря а в том, что слова, которые ребенок использует в своих предложениях (теперь уже зачастую 3—4-словных), приобретут соответствующую грамматическую форму: «девочка села.», «девочка сидит», «лопатку баба дела (сделала)».

С этого времени и начинается один из важнейших этапов овладения родным языком—

овладения его грамматической структурой. Усвоение грамматики происходит интенсивно, и основные грамматические закономерности ребенок усваивает примерно к трем годам. Так, к этому времени в своей речи он употребляет все падежные формы (без предлогов и с предлогами—«на волка похож», «под землю спрятался» и т. п.), формы глаголов, сложные предложения с союзами («Во сне видела, что волк укусил мне руку», «Форточка открыта, чтобы проветрилось»).

К трем годам в словарь ребенка входят все части речи (существительные, глаголы, прилагательные, местоимения, числительные, наречия), служебные слова (предлоги, союзы, частицы), междометия.

Все это не означает, однако, что в дальнейшем ни самому ребенку, ни окружающим его взрослым не предстоит потрудиться, совершенствуя владение языком. Ведь многие тонкости, трудности, исключения из правил ребенку еще предстоит усвоить. Кроме того, ребенок усваивает разговорную речь. А поскольку в разговорной речи взрослых практически отсутствуют причастия и деепричастия (прыгающий, прыгая и т. п.), нет их пока и в речи ребенка.

Что же способствует развитию речи? Детям третьего года жизни можно и нужно давать специальные речевые задания. Более простые из них — это задания повторить слово или произнести какой-нибудь отдельный звук, когда взрослый учит произносить слово правильно. Более сложные — когда ребенка просят, например: «Пойди к бабушке и скажи ей: «Бабушка, дай мне, пожалуйста, мою шапочку».

Почему такие задания полезны для развития речи? Во-первых, потому, что взрослый дает ребенку образец речи, и не просто образец правильного построения фразы, а пример использования речи в конкретных условиях общения. Можно даже сказать, что подобные задания не только способствуют формированию грамматической, лексической правильности речи, но и воспитывают культуру речевого общения, «речевого поведения». Во-вторых, эти задания полезны потому, что ребенок учится сознательно, осознанно строить свою речь, пусть в очень элементарной форме, осознавать то, как говорят другие, как говорит он сам. В самом деле, когда мама говорит сынишке: «Принеси мне, пожалуйста, чашку» — и тот, спросив какую (большую или маленькую и т. п.), идет выполнять эту просьбу, то ни мама, ни сын не задумываются над тем, как именно они говорят. Они осознают содержание речи, а не ее форму. А попробуйте-ка совершенно отвлечься от формы речи, когда ваше внимание специально обращают на то, как нужно сказать: «Пойди и скажи то-то». Речевые задания с уже определенной формой высказывания уместны в общении с детьми до двух лет. Более старшим детям можно давать задания в более общей форме: «Подойди к бабушке и попроси ее достать твою шапочку», «Попроси у бабушки свою шапочку».

Речевые задания могут даваться и для того, чтобы ребенок обратился к взрослому, и для того, чтобы он обратился к другому ребенку, к нескольким детям. Тем самым активизируется речевое общение между детьми.

Речевые задания хорошо помогают обучать детей задавать вопросы; «Где?», «Какой?», «Куда?» и т. д., употребляя сложные предложения. Например, ребенку предлагается спросить у взрослого (или у другого ребенка): «Спроси у Натальи Петровны, куда она положила новую книжку, игрушку». Ребенок может задать вопрос различными способами («Куда вы положили новую книжку, игрушку», «Вера Ивановна спрашивает, куда вы положили новую книжку, игрушку», «Вера Ивановна спрашивает, где новая книжка, игрушка» и т. д.), и это будут или вопросы, или сложные предложения с союзными словами «куда», «где» и т. п.

Важная роль таких речевых заданий и устных рассказов (о них речь шла выше) в развитии речи малышей вовсе не означает, что рассматривание с детьми предметов, игрушек, картинок и чтение им книжек с иллюстрациями имеют второстепенное значение. Наглядность, непосредственное ознакомление детей с предметами и явлениями окружающего мира, с происходящими вокруг событиями остаются прочной основой обогащения знаний и представлений детей. Без такого обогащения, связанного с усвоением новых слов, которые закрепляют, сохраняют в памяти эти знания

и представления, ребенку просто не о чем будет рассказывать. Не существует речи без смысла, без мысли, а истоки мысли — в непосредственном, чувственном познании окружающего, в восприятии, ощущениях.

Уже детям второго года жизни можно показывать не только предметные картинки (т. е. изображения отдельных людей, животных, предметов), но и картинки сюжетные, на которых изображено какое-нибудь событие (дети поливают цветы на клумбе, дети выпускают птичку из клетки). На третьем году возможности детей в рассматривании картинок увеличиваются, однако дети не предоставляются самим себе—руководить рассматриванием должен взрослый. Он объясняет смысл изображенного, раскрывает последовательность действий, задает детям вопросы и т. д.

Предметная картинка кажется очень простой: нарисована кукла, зайка, собака, флажок, мячик... Казалось бы, не очень много можно извлечь из такой картинки для того, чтобы развивать речь ребенка. Он вспомнит, как называется то, что изображено на картинке, назовет. Это, конечно, важно. И если изображен новый, незнакомый малышу предмет, он познакомится с ним и усвоит новое слово. Это тоже важно. Но на картинке нельзя изобразить предмет вообще: собаку вообще, мячик вообще. Мячики бывают синие, красные, зеленые. Собаки тоже разные: с большими висячими ушами, с ушами торчащими, настороженными, собаки лохматые и с гладкой шерстью. На все детали изображения можно обращать внимание ребенка и задавать соответствующие вопросы.

Мячик можно нарисовать один, чтобы не было на картинке ничего другого. И тогда это будет просто мячик, который нигде, вроде, не лежит, не прыгает, не катится — ничего не делает. А вот ничего не делающую собаку нарисовать или сфотографировать невозможно. Собака на картинке или лежит, или сидит, или бежит, или лает. Поэтому, показывая ребенку такую картинку, можно спрашивать и о названии того что изображено, и задавать вопрос: «Что делает?»

Особенно разнообразными могут быть вопросы, если на картинке изображен человек (мальчик, девочка, кукла). Здесь большой простор для обогащения словаря детей, для формирования умений правильно строить простые предложения. Так, рассматривая картинку, на которой нарисована девочка, и отвечая на вопросы, ребенок называет предметы одежды девочки, цвет платья, ботиночек и т. д. Разнообразие вопросов и ответов увеличивается, если девочка изображена сидящей на стульчике, лежащей в кровати.

До середины третьего года у детей нередки пропуски предлогов, и ответы на вопросы «Где сидит?», «Где лежит?» способствуют закреплению использования предлогов в речи, и не только в отношении преодоления пропусков, но и в отношении правильности употребления. Сравните, например, словосочетания «лежать в кровати» и «лежать на диване» и попробуйте переставить предлоги: «лежать на кровати», «лежать в диване». Последнее невозможно, а лежать на кровати— значит лежать на неразобранной кровати. Смысл совсем другой.

Предметные картинки, на которых изображены именно предметы, а не живые существа, годятся не только для того, чтобы обогащать речь детей словами, обозначающими предметы, их свойства и качества. Взрослый показывает малышу картинку (синий мячик) и спрашивает: «Что это?» Едва ли малыш ответит: «Синий мячик». Скорее, он скажет: «Это мячик» или просто «Мячик». Следующий вопрос взрослого: «Какой? Какого цвета?» Ответ: «Синий».

А затем наступает важный момент: изолированные реплики ребенка нужно соединить вместе, чтобы дать ему образец более полного ответа. Но как соединить? Ведь можно сказать и «синий мячик» и «мячик синий». Присмотримся, прислушаемся к этим сочетаниям слов, задумаемся в них. «Синий мячик» — это простое название предмета, это его название, обозначение, включающее одно из его свойств. «Мячик синий» — уже не просто название предмета, пусть даже содержащее в себе обозначение какого-то его признака, это — суждение о предмете. Такое суждение, какое мы высказываем, когда говорим: «Собака лежит», «Птица летит».

Поэтому, если мы ограничиваем свою задачу тем, что учим малыша различать и называть разные цвета или другие качества и свойства предметов, можно сказать: «Да, это синий мячик». Но можно сказать и по-другому: «Да, это мячик. Мячик синий». Вроде бы небольшое различие, но оно существенно. Ведь здесь мы даем ребенку образец построения связного высказывания. В самом деле, здесь последовательно высказываются два суждения: «Это мячик» и «Мячик синий» И второе не просто следует за первым: оно тесно с ним связано, вытекает из него. В первом предмет выделяется из многих других: это мячик, а не что-нибудь иное. Во втором этот выделенный, названный предмет характеризуется по одному из его свойств, в данном случае — по цвету. Это очень простой,

элементарный случай связного высказывания, зачаток связной речи, но она и развивается у ребенка постепенно от простых форм к сложным.

Мы подробно говорим о предметных картинках не потому что их использование для развития речи ребенка важнее, чем использование картинок сюжетных. Мы хотели показать, что простое средство может принести большую пользу. Сюжетные картинки, без сомнения, дают больше возможностей для развития речи детей третьего года жизни. На них изображено много разных предметов, действий, качеств, которые ребенок должен назвать. А главное, на них изображено какое-то событие, и малыш с помощью взрослого, отвечая на его вопросы, учится последовательно, связно о нем рассказывать. Сейчас, на третьем году, это лишь начало, лишь основы формирования умений связной речи. Более обстоятельно работа над связной речью проводится начиная со следующего, четвертого года жизни малыша, когда намного обогатится его словарь и он усвоит главные правила грамматики родного языка, а также его «звуковые» правила.

Слово звучит

К полутора годам малыш обычно произносит все гласные звуки (хотя и не всегда четко), ему доступны многие согласные звуки (м, п, б, к, г, т, д, н, в, ф, х), а также звук й. Многие из согласных звуков произносятся смягченно (дйй вместо дай). Отчетливость произнесения звуков во многом зависит от их места в слове. Так, если слово состоит из двух открытых слогов (после согласного идет гласный: мама, Вова, Катя), то малыш произносит его правильно. Если же слово состоит из трех и более слогов, то ребенок часто заменяет одни звуки другими, пропускает звуки и слоги (вместо машина — паина, вместо велосипед — апипед). Пропускается звук и в том случае, когда два согласных стоят рядом (второй произносится как тоой, коей, дверь — как вей).

Знакомя малыша с новыми словами, обращайтесь внимание на твердость произнесения согласных звуков. Для этого полезно использовать звукоподражательные слова. Показывая игрушечного гуся, взрослый говорит ребенку: «Это гусь. Он кричит: га-га-га! А теперь ты скажи, как кричит гусь». Если малыш будет ошибаться и произносить звук г мягко (гя-гя-гя), поправьте его.

Общая смягченность речи характерна и для третьего года жизни. Многие звуки еще отсутствуют и заменяются более легкими для произнесения. Так, шипящие звуки (ш, ж, ч, щ) нередко заменяются мягкими свистящими звуками: сяпка (шапка), зюк (-жук), сенок (щенок), цййник (чайник), иногда место звука ч ребенок может произнести звук ть: тьасы (часы). Твердые свистящие заменяются мягкими (сянки вместо санки), согласные р, рь, л отсутствуют или заменяются звуками ль, и: ыба (рыба), гия (гиря), двель (дверь)...

Внимание к правильному формированию звуковой стороны речи должно быть не меньшим, чем внимание к содержательной ее стороне. Обращайте внимание малыша на то, как правильно произносятся слова, требуйте от него выговаривать слова и фразы четко, внятно.

Конечно, несовершенства речи впоследствии (на 4—6-м году), как правило, постепенно исчезают сами собой, по мере того как ребенок, постоянно слыша правильную речь взрослых, прилаживаясь к ней, овладевает правильной артикуляцией. Однако малышу нужно помогать в этом, используя звукоподражания, показывая рисунки предметов, в названиях которых есть тот или иной звук, не произносимый или неправильно произносимый ребенком. Так, можно попросить малыша изобразить жужжание жука (ж-ж-ж-ж), шум деревьев (ш-ш-ш-ш) и т. п.

Когда детям читают народные песенки, потешки, когда разучивают их с ними, то, разумеется, это прежде всего важно для ознакомления детей с художественным словом. Но вместе с тем это способствует усвоению правильного звукопроизношения. Многие из потешек и песенок, наверное, и создавались для того, чтобы дать малышу возможность «поиграть» звуками.

Ночь прошла,
Темноту увела.

Замолчал сверчок,
Запел петушок.
Полежала немножко,
Распахнула окошко.
Здравствуй, солнышко, Колоколнышко!

Чики-чики, чикалочки,
Едет Ваня на палочке,
А Дуня в тележке
Щелкает орешки.

Ай, ду-ду, ду-ду, ду-ду!
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу —
Во серебряную.

Водичка, водичка,
Умой мое личико,
Чтобы глазки блестели,
Чтобы щечки краснели,
Чтоб смеялся роток,
Чтоб кусался зубок.

Нередко взрослые подражают несовершенной речи ребенку, заимствуют у него неправильно произносимые слова. Незачем своим авторитетом закреплять недостатки речи ребенка, тем более, что он сам уже может слышать неправильность звукопроизношения в речи других людей и даже в какой-то мере понимать, осознавать недостатки своей речи, свое неумение. Известный лингвист А. Н. Гвоздев, много занимавшийся изучением развития речи детей, приводит такие примеры.

«Женя Г., разговаривая со своим двоюродным братом Володей (2 г. 6 мес.), поправляет его картавое произношение. Володя не защищается, а только оправдывается: «Я так не умею».

Иногда сознание своего неумения правильно произнести слово доставляет ребенку большое огорчение. Борис В. долго не мог овладеть словом «лапша». Начал пытаться произносить по слогам, удавалось легко, целиком — опять не удается. «Мама, я не умею» — и расплакался (3 г.)...

Женя Г. по собственному почину, часто в разговоре с самим собой, говорит о наиболее ярких особенностях речи почти всех знакомых ему детей (сам он в 2 года 8 мес. уже говорил вполне правильно). Его двоюродный брат Володя произносил мягкое л вместо и, но никто не обращал на это внимание Жени. И вот он однажды неожиданно сообщает: «Мама, Володя такаля (такая) говорит» (2 г. 10 мес.)».

Это внимание ребенка к особенностям слышимой им речи, умение слышать тонкости произношения слов и помогают ему в усвоении правильного произношения звуков и слов. Поэтому важно, чтобы взрослые, разговаривая с маленьким ребенком, следили за четкостью, ясностью своей речи, за ее темпом, так как в убыстренной речи при небрежном произношении (а оно характерно для обыденной разговорной речи) звуки (и гласные, и согласные) значительно изменяются, ослабляются, как бы стираются, а иногда и выпадают.

